

ФЕЛИКС РАЗУМОВСКИЙ

1917

ПЕРЕВОРОТ?

РЕВОЛЮЦИЯ?

СМУТА?

ГОЛГОФА!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ

ДОНСКОЙ
МОНАСТЫРЬ

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС P17-705-0203

Разумовский Феликс

P17 **1917: Переворот? Революция? Смута? Голгофа!** — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2017. — 560 с.

Эта книга создавалась как литературная версия популярной телевизионной исторической программы «Кто мы?». Содержание книги составляют очерки важнейших событий, коллизий и соблазнов, определивших судьбу России в роковом 1917 году. Привычные, но чужеродные слова, понятия и подходы в данном случае оказались малопригодными, уводящими от сути. Как и ожидалось, для осмысления величайшей национальной трагедии крушения исторической России есть только один-единственный путь — держаться духа русской истории. Наше призвание, наша культура, наша традиция и, главное, наша православная вера помогают преодолеть любые застарелые заблуждения, разобраться в самом сложном, противоречивом и запутанном этапе русской истории. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2017
© Разумовский Ф. В., текст, 2017

ISBN 978-5-88017-509-3

Исторические срывы, провалы и катастрофы следует признать важнейшей особенностью Русской цивилизации. Путь постепенного, последовательного развития время от времени нас начинает тяготить. И тогда Россию сотрясает очередная смута — тяжелейшая эпоха лавинообразного распада и разложения. Эта разрушительная энергия смуты отменяет красоту и человечность русской жизни, её высокое призвание, отменяет величие нашей культуры, — собственно, всё то богатство, которым живёт и дорожит наш народ в годы созидания. Срываясь в смуту, русский человек всё и вся расточает, от всего отрекается. Это — род национальной болезни, форма кризиса, пробуждающего и развязывающего тёмные страсти и низменные инстинкты.

На волне смуты могут произойти и происходили самые невероятные метаморфозы, особенно в политической сфере. Одна из подобных метаморфоз — победа большевиков в октябре 1917 года. Согласно созданной при советской власти пропагандистской исторической теории победа большевиков не имела альтернатив и «диктовалась всем ходом исторического развития». Грандиозная катастрофа преподносилась как прорыв к светлому будущему, как небывалое и великое свершение. Этот миф о «революционном обновлении» и Великой Октябрьской социалистической революции так настойчиво внедрялся в сознание нескольких поколений, что приобрёл невероятную живучесть и почти полностью исказил национальное историческое сознание. Советская историческая конструкция надолго пережила советскую идеологию и Советское государство.

Наш XX век до сих пор ставит историческое сознание в тупик. Слишком полярные точки зрения закрепились в современном российском обществе по отношению к недавнему прошлому. Одна из причин подобного разлада — очевидная неполнота и односторонность нашего исторического сознания. В нём недостаёт ключевой темы — подвига святых новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Двадцатое столетие было не только богоборческим и вероотступническим, не только веком грандиозного «коммунистического проекта», но и эпохой религиозного возрождения и воодушевления, невиданного в новейшей истории опыта стояния в вере Христовой. Судя по всему, этот опыт — единственное средство преодолеть разорванность русской истории, бесценная возможность оздоровить наше национальное бытие, парализованное глубоким кризисом русского мирочувствия.

**Преданная
война**

**Кровь
на русской
равнине**

**Русская
голгофа**

Эта война началась для России как Вторая Отечественная и даже как Великая. А закончилась развалом и разложением русской армии, массовым дезертирством и анархией. Страна не выдержала испытание тяжёлой многолетней общеевропейской войной. Это одновременно и горько, и парадоксально, и поразительно! Ведь Россия стояла на пороге победы. У наших противников, прежде всего Германии, элементарно заканчивались ресурсы. Всё заканчивалось, а продовольствие в первую очередь. Ничего похожего Россия не знала. Политическое крушение Февраля 1917-го, отречение Государя не были вызваны реальными проблемами фронта и тыла. Страну взорвали смуты именно настроения. Русский человек не справился с самим собой, со своими застарелыми духовными болезнями. Впечатления войны вызвали срыв национального духа. И открылось Евангельское: *Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны* (2 Тим. 3, 2). Только такие люди могли привести страну к позорному Брестскому миру.

Преданная война

Россия в Первой
мировой войне

На пороге войны

Вскоре после революции в бумагах последнего русского Царя был найден один поистине удивительный документ — записка, поданная Николаю II в феврале 1914 года.

Автор записки — крупный российский чиновник Пётр Николаевич Дурново. Пик его карьеры — пост министра внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте, то есть это был человек как минимум хорошо информированный. Так вот, за полгода до начала Первой мировой войны Дурново детально описал ход грядущих событий. И всё сбылось. Всё, о чём предупреждал Дурново. И прежде всего то, что война приведёт Россию к революции, хаосу, следовательно к гибели.

Теперь, когда минуло более ста лет, этот документ вызывает не только удивление, но и вопросы. Множество разных вопросов. И среди них главные — могла ли Россия избежать этой войны? А если не избежала, то почему? Какие силы развязали эту кошмарную бойню?

Лето 1905 года. Обычный доклад Государю министра иностранных дел Российской империи В. Н. Ламсдорфа. Никаких сюрпризов мировая политика в те дни не преподнесла. Министр спокоен. Пока спокоен...

Через несколько минут он придёт в ужас. Это случится, когда Ламсдорф прочитает переданную ему Николаем II бумагу. Перед ним лежал тайный союзный договор между Россией и Германией. О существовании этого договора он, министр иностранных дел, минуту назад ничего не знал. И даже не подозревал.

Договор, подготовленный германским императором Вильгельмом II, был и подписан в сугубо неформальной обстановке. Во время путешествия Николая II по Балтике, когда Государь пребывал в кругу семьи. И там, на императорской яхте, как бы невзначай встретились добрые друзья — «друг Вилли» и «друг Ники», родственники, между прочим. Поговорили и... подписали. Ведь европейская политика — дело почти

1

2

Император Николай II и кайзер Вильгельм II на борту царской яхты «Полярная звезда». 11/24 июля 1905 года

семейное, Николай II очень хотел в это верить. А «друг Вилли», он же кайзер Вильгельм, этим цинично воспользовался, чтобы подорвать союзные отношения России и Франции — основу будущей Антанты.

Но, может быть, всё совсем не так? И Россия ошиблась, выбирая себе союзника? Надо было дружить не с Францией и Англией, а с Германией — нашим главным врагом во время войны. Тогда и войны бы не было... Чего же лучше! Во всяком случае, такая точка зрения существует. И, наверное, с ней можно было бы согласиться. При одном условии. Если бы в начале XX века европейская политика, и прежде всего политика Германии, исходила из здравого смысла, реальных интересов, реальных возможностей. Но именно этого мы и не видим. А видим длинную цепь международных кризисов, которые следуют один за другим.

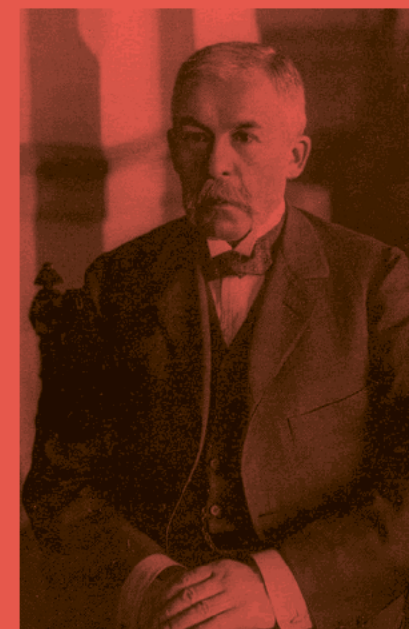
Германия и её союзница Австро-Венгрия легко идут на провокации, на обострения. Для унижения России используется любой повод. Нет, союз с Германией для России был невозможен. Российская империя не могла перестать быть великой державой.

3

19 ноября 1913 года. Утром, ровно в 12 часов 30 минут, премьер-министр России В. Н. Коковцов ожидал аудиенции кайзера в небольшой приёмной Нового дворца в Потсдаме. Предстоящая встреча тяготила русского премьера. Коковцов явно не в восторге от данного ему Николаем II срочного и сложного дипломатического поручения. Его стихией всегда были финансы, а не дипломатия. Это новому министру иностранных дел С. Д. Сазонову следовало улаживать спровоцированный Германией очередной политический конфликт. «Критический вопрос», как говорили в ту пору. Однако под рукой оказался не Сазонов, а Коковцов, и потому именно на него легла эта нелёгкая миссия.

Центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории является соперничество Англии и Германии. Это соперничество неминуемо должно привести к вооружённой борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертельным для побежденной стороны. Слишком уж несовместимы интересы этих двух государств, и одновременное великодержавное их существование рано или поздно окажется невозможным. Действительно, с одной стороны — островное государство, мировое значение которого зиждется на владычестве над морями, мировой торговле и бесчисленных колониях. С другой стороны — мощная континентальная держава, ограниченная территория которой недостаточна для возросшего населения. Поэтому она прямо и открыто заявила, что будущее её — на морях, со сказочной быстротой развила огромную мировую торговлю, построила, для её охраны, грозный военный флот и знаменитой маркой Made In Germany создала смертельную опасность промышленно-экономическому благосостоянию соперницы. Естественно, что Англия не может сдать без боя и между нею и Германией неизбежна борьба не на жизнь, а на смерть. <...> Основные группировки при будущей войне очевидны: это Россия, Франция и Англия с одной стороны, Германия, Австрия и Турция — с другой. Более чем вероятно, что примут участие

в войне и другие державы, в зависимости от тех или других условий, при которых разразится война. Но послужит ли ближайшим поводом к войне новое столкновение противоположных интересов на Балканах или же колониальный инцидент вроде Алжезирасского, основная группировка останется всё та же. <...> Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тара, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придётся потратить и сил, и внимания.

Записка П. Н. Дурново, поданная Царю Николаю II в феврале 1914 года

Фото: П. Н. Дурново

С. Д. Сазонов
В. Н. Коковцов

Тем временем император Вильгельм, войдя в приёмную, заговорил как ни в чём не бывало: беззаботно и весело. На самом деле он отлично понимал, зачем прибыл Коковцов и почему так обеспокоен Петербург. Дело касалось ни много ни мало черноморских проливов, а точнее — Константинополя, контролирующего эти проливы.

Германия попыталась установить над Константинополем свой военный контроль, о чём по-тихому договорилась с Турцией. Согласно договорённости на Босфор прибывала военная миссия генерала фон Сандерса. После чего к немецкому генералу переходило командование расположенным в Константинополе турецким корпусом. Стало быть, вся русская черноморская торговля (в первую очередь хлебом) оказывалась под контролем кайзера. В любую минуту проливы могли быть перекрыты.

Таким образом, Германия обеспечивала продвижение своего крупнейшего геополитического проекта — железной дороги Гамбург — Багдад. Дорога проходила аккурат через Константинополь, других вариантов не было и не могло быть.

Это был плевок в сторону России как великой державы. Германия шла напролом, авось пройдёт. Не пройдёт! И Коковцов спокойно, но настойчиво объяснял это германскому императору. Вильгельм реагировал бурно. Отвечал «резким и даже раздражённым тоном». Мол, не принимает «такого упрёка», «не понимает». Конечно, это был театр, плохой политический театр. Все всё понимали и в Берлине, и в Петербурге, и в Париже, и в Лондоне... Продолжать разговор долее не было никакого смысла, и кайзер пригласил российского премьера к завтраку.

За завтраком Вильгельм решил пойти в наступление, взять реванш. Здесь его собеседником оказался не Коковцов, сидевший рядом с императрицей, а Л. Ф. Давыдов, крупный русский финансовый деятель, директор кредитной канцелярии. Давыдов только что, перед приездом в Потсдам,

Новый дворец
в Потсдаме

получил во Франции большие кредиты на строительство железных дорог в европейской части России. Совершенно очевидно, что эти дороги имели стратегическое значение, они строились на случай войны. Разумеется, с Германией. Вильгельм спросил Давыдова об этих дорогах, но русский чиновник как ни в чём не бывало заговорил о нуждах экономики. Этим он окончательно вывел кайзера из равновесия. «Прижать» русских не удавалось, и германский император раздражался всё более и более. Настал момент, когда он уже не смог себя контролировать.

И тогда Вильгельм заговорил о том, что надвигается конфликт двух рас — «романо-славянской и германизма» (он так выразился). И далее уже открытым текстом — о неизбежности войны: «Поверьте мне, что я ничего не преувеличиваю».

Теперь стало абсолютно ясно: внутренний выбор кайзером сделан. Следовательно, война может начаться в любую минуту. Но вот что особенно интересно: вопрос о причинах войны оставался открытым. Вильгельм II обвинял во всём Россию, но это сущий вздор. Да и стоит ли обращаться с подобными вопросами к сильному мира сего, хотя бы и монаршим особам. Не лучше ли спросить об этом у писателей или философов. Я убеждён, что ответ знаменитого Фридриха Ницше будет наиболее содержателен.

...Ницше родился в немецкой деревушке Рёккен на границе Пруссии и Саксонии. И похоронен здесь же, у стены сельской церкви.

Мысли философа, младшего современника и почитателя Достоевского, поначалу были непонятны и даже отталкивающе непонятны. Но он был уверен: время его придёт. Так и случилось. Перед войной сочинения Ницше станут изучать в немецких гимназиях, а его книгу «Так говорил Заратустра» германское правительство напечатает громадным тиражом, чтобы вручить каждому немецкому солдату.

4

Рёккенская церковь,
у стен которой
похоронен Ницше

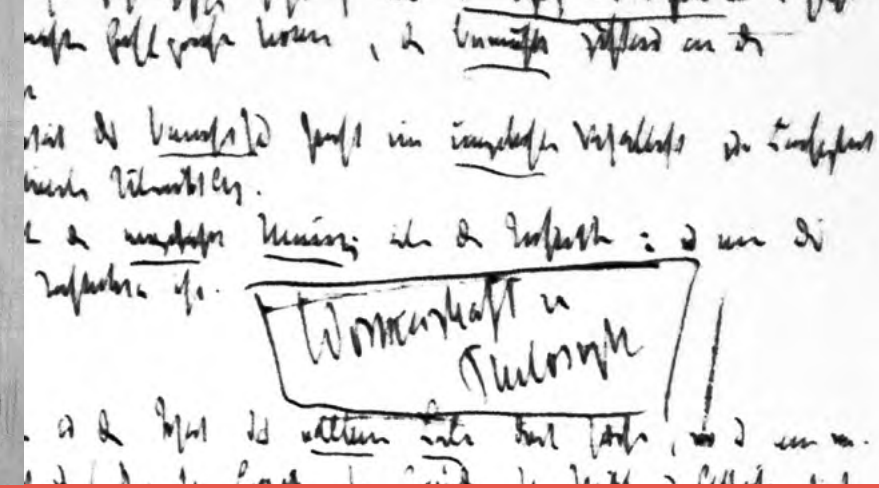
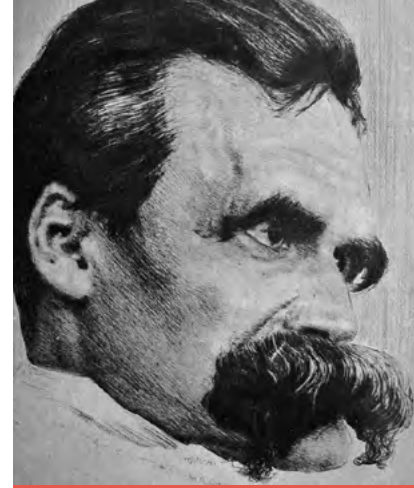
Зачем это делалось, понять несложно. Конечно, не для того, чтобы воин был гуманнее и милосерднее. Нет, тот, кто идёт на войну, должен ощущать себя сверхчеловеком, свободным от условностей морали и нравственности. «Жить — значит желать господствовать», — говорит Ницше. Всё, что мешает господствовать над другими, властвовать, обнаруживать свою силу, — это упадок, это бессилие и посредственность. Забудьте о человечности, Бог умер... И европейская культура тоже умерла. Царство слабых, беспомощных и несчастных погибло. Ну и прочее тому подобное.

Вот так, будучи гениальным скептиком, Ницше констатировал паралич христианской европейской цивилизации. А грядущая мировая война станет её очевидным отрицанием. Это будет исторический срыв, культурная катастрофа. Крушение! Германию, судя по всему, сильнее других европейских держав поразит этот кризис. Идея войны в немецком обществе станет необычайно популярной, вплоть до какого-то психоза, коллективного помешательства.

5

Далеко не мирная атмосфера предвоенной Германии проявлялась везде, буквально на каждом шагу. То, как умело поддерживалась такая атмосфера, увидел собственными глазами летом 1914 года известный русский генерал А. А. Брусилов.

В ту пору он вместе с женой отдыхал и лечился в курортном городке Бад-Киссенген (Бавария). И вот однажды на курорте устраивается большой шумный праздник. Заранее приготовлены красочное убранство и декорации... Эти декорации изображают Московский Кремль с его древними храмами и собор Василия Блаженного. Во время праздника всё это будет сожжено. Зрелище пожара Москвы, украшенное фейерверками и сопровождаемое звуками нескольких оркестров, вызовет восторг и ликование немецкой публики.

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека? Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас ещё осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь ещё человек больше обезьяны, чем иная из обезьян. Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака. Но разве я велю вам стать призраком или растением? Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли! Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам

о надземных надеждах! Они отравители, всё равно, знают ли они это или нет. Они презирают жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала земля: пусть же исчезнут они! Прежде хула на Бога была величайшей хулой; но Бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители. Теперь хулить землю — самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимо выше, чем смысл земли! Некогда смотрела душа на тело с презрением; и тогда не было ничего выше, чем это презрение, — она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать от тела и от земли. О, эта душа сама была ещё тощей, отвратительной и голодной; и жестокость была вожделием этой души! Но и теперь ещё, братья мои, скажите мне: что говорит ваше тело о вашей душе? Разве ваша душа не есть бедность и грязь и жалкое довольство собою? Поистине, человек — это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым.

Фридрих Ницше.
«Так говорил
Заратустра»
(1883–1884 гг.)

Фото:
Фридрих Ницше

Фридрих Ницше.
«Так говорил
Заратустра»
(1883–1884 гг.)

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он — это море, где может потонуть ваше великое презрение. В чём то самое высокое, что можете вы пережить? Это — час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, так же как ваш разум и ваша добродетель. <...>

Я люблю храбрых; но недостаточно быть рубакой — надо также знать, кого рубить! И часто бывает больше храбрости в том, чтобы удержаться и пройти мимо — и этим сохранить себя для более достойного врага!

Враги у вас должны быть только такие, которых бы вы ненавидели, а не такие, чтобы их презирать. Надо, чтобы вы гордились своим врагом, — так учил я уже однажды.

Для более достойного врага должны вы беречь себя, о друзья мои; поэтому должны вы проходить мимо многого, — особенно мимо многочисленного отребья, кричащего вам в уши о народе и народах. Сохраняйте свои глаза чистыми от их «за» и «против»! Там много справед-

ливого, много несправедливого: кто заглянет туда, негодует.

Заглянуть и рубить — это дело одной минуты: поэтому уходите в леса и вложите свой меч в ножны! Идите своими дорогами! И предоставьте народу и народам идти своими, поистине тёмными дорогами, не освещаемыми ни единой надеждой! Пусть царствует торгаш там, где всё, что ещё блестит, — есть золото торговца! Время королей прошло: что сегодня называется народом, не заслуживает королей. Смотрите же, как эти народы теперь сами подражают торговцам: они подбирают малейшие выгоды из всякого мусора! Они подстерегают друг друга, они высматривают что-нибудь друг у друга, — это называют они «добрым соседством». О блаженное далекое время, когда народ говорил себе: «Я хочу над народами быть господином!» Ибо, братья мои, лучшее должно господствовать, лучшее и хочет господствовать! И где учение гласит иначе, там нет лучшего.

Уинстон Черчилль

И вот наконец финал, апофеоз! Когда падает последняя московская стена, оркестр исполняет немецкий национальный гимн.

«Ферфлюкторы проклятые! — кричит во всё горло, забравшись на стул, русский купец. — А вы забыли... забыли, как русские казаки Берлин спасали?» Ну конечно забыли. Все всё забыли. В новую ницшеанскую эпоху всякая рефлексия отброшена раз и навсегда. Национальная в том числе.

Итак, психологическая решимость и готовность Германии к войне очевидна. Однако Германия — это ещё не вся Европа. Неужели и в довоенной Англии мы найдём нечто ницшеанское? В это трудно поверить...

«Старая добрая Англия» с её удивительными культурными ландшафтами, поместьями, парками всегда гордилась своими традициями. Сказать о том, что культура здесь умерла, — просто невозможно. Немыслимо! И тем не менее, тем не менее факты — упрямая вещь.

Многое говорит о том, что и здесь тоже что-то непоправимо сдвинулось. Сдвинулось прежде всего в сознании людей, в сознании политиков. Нам это крайне важно, потому что, если меркнут вера и культура, полновластными хозяевами жизни становятся именно политики. Это их время. Это они в новейшее время поворачивают колесо истории.

Среди самых известных и ярких английских политиков XX века следует назвать имя Уинстона Черчилля. Он родился 30 ноября 1874 года в роскошном дворце герцогов Мальборо, так называемом Blenheim Palace. К 1930-м годам Черчилль сделает блестящую политическую карьеру, уже в самом начале XX века он на виду. Несколько лет как член парламента. Потом станет получать министерские портфели... Нет сомнений, что, если бы старик Ницше смог увидеть молодого Черчилля, он бы наверняка признал в нём своего любимого героя — сверхчеловека.

6

Фото:

Подростки в компании
полковых конюхов.
Галиция

